

Взаимоотношения международного гуманитарного права и международных уголовных трибуналов

Ортенсия Д. Т. Гуттиеррес Поссе

Ортенсия Д. Т. Гуттиеррес Поссе – профессор международного публичного права в Университете Буэнос-Айреса.

Краткое содержание

Международное гуманитарное право – отрасль обычного и договорного международного позитивного права; его цель – ограничить методы и средства ведения войны и защитить жертвы вооруженных конфликтов. Серьезные нарушения его норм являются военными преступлениями, и совершившие их лица могут быть непосредственно привлечены к ответственности в индивидуальном порядке и подлежат судебному преследованию суверенными государствами. Однако если государство не желает или не способно возбудить уголовное преследование, дела о военных преступлениях могут рассматриваться международными уголовными трибуналами, учрежденными в соответствии с договором или обязательным к исполнению решением Совета Безопасности ООН. Эта краткая характеристика нынешней политико-правовой ситуации отражает состояние права в начале XXI в. Оговоримся сразу, что это состояние дел не следует считать результатом какого-то конкретного мероприятия. Наоборот, оно сложилось потому, что международное сообщество – под влиянием ужасов войны и непереносимых страданий, выпадавших из века в век на долю человечества, – осознало: насилие необходимо ограничить и ограничения эти должны быть установлены законом, а нарушивших закон следует наказывать, чтобы предотвратить дальнейшие попытки преступить его.

Краткий исторический очерк

Международное гуманитарное право сыграло решающую роль в этой эволюции, поскольку как законы и обычаи войны, так и нормы, защищающие жертвы, относятся к этой отрасли права. В самом деле, впервые предложение договориться об учреждении международного уголовного суда было сформулировано для привлечения к ответственности лиц, нарушивших Женевскую конвенцию об улучшении участи раненых и больных воинов в действующих армиях, которая была принята в 1864 г.

В 1907 г. государства кодифицировали законы и обычаи войны в Гаагской конвенции IV и прилагавшемся к ней Положении. Согласно Конвенции, обязанности, обусловленные ее нормами, связывают государства-участники, однако мирный договор, заключенный в 1919 г. в Версале по окончании Первой мировой войны¹, установил личную ответственность германского кайзера Вильгельма II, официально обвиненного в тяжчайших преступлениях против общечеловеческой морали и нерушимости договоров, и лиц, выполнявших его приказы. Таким образом, было признано право союзников и правительств ассоциированных стран создавать военные трибуналы для преследования лиц, обвиняемых в совершении военных преступлений².

Это означало, что ответственность не только государств, но и, в первую очередь, отдельных лиц признана принципом международного права, допускающим рассмотрение дел о серьезных нарушениях международного гуманитарного права специально учрежденными для этого международными трибуналами.

Ситуация продолжала развиваться. Во время Второй мировой войны правительства союзников выразили пожелание расследовать военные преступления, привлечь к судебной ответственности и наказать совершивших их лиц. Принятая в октябре 1943 г. Московская декларация подготовила почву для Лондонского соглашения 1945 г., к которому прилагался Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Нюрнбергского трибунала). Главнокомандующий оккупационными войсками в Японии для аналогичных целей учредил Токийский трибунал³. Таким обра-

1 Часть VIII Мирного договора 1919 г. предусматривала в статьях 231–247 обязанность Германии возместить союзникам причиненный им ущерб в размере, который должна была определить Комиссия по репарациям.

2 См. J. F. Wills, *Prologue to Nuremberg: The Politics and Diplomacy of Punishing War Criminals of the First World War*, Greenwood, Westport, Conn., 1982, and Yoram Dinstein and Mala Tabory, *War Crimes in International Law*, Martinus Nijhoff Publishers, The Hague/Boston/London, 1996, pp. 149–150.

3 Тексты Лондонского соглашения и приложенного к нему Устава Международного военного трибунала, Директивы Главнокомандующего союзными войсками в Токио и Устав Международного военного трибунала по Дальнему Востоку см. M. Cherif Bassiouni, *Crimes Against Humanity in International Law*, Martinus Nijhoff Publishers, Dordrecht/Boston/London, 1992, pp. 579–586 и 604–611.

зом, имела место еще одна договоренность относительно того, что согласно международному праву определенные деяния могут быть квалифицированы как военные преступления, а лица, обвиняемые в их совершении, подлежат судебному преследованию.

Принятие Уставов Нюрнбергского и Токийского трибуналов придало мощный импульс кодификации международного гуманитарного права: впервые договорными нормами был определен круг преступных деяний, влекущих за собой привлечение к ответственности в индивидуальном порядке, и в то же время были учреждены суды, которые приняли ряд практических решений и выработали принципы, получившие всеобщее признание⁴. При этом следует иметь в виду, что на том уровне развития права деяние могло быть признано преступным только при условии, что оно было связано с войной, то есть вооруженной борьбой между двумя или более государствами.

В конце XX в. серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные в ходе вооруженных конфликтов на территории бывшей Югославии, вызвали к жизни международный трибунал для судебного преследования лиц, предположительно виновных в этих нарушениях. Он был учрежден не на основании соглашения между суверенными государствами, а по решению Совета Безопасности ООН⁵. Вскоре

- 4 См. Доклад Генерального секретаря ООН, представленный во исполнение пункта 2 резолюции 808 (1993) Совета Безопасности UN Doc: S/25704, 3 мая 1993 г., пункты 41–44, где говорится, что согласно заключению Нюрнбергского трибунала многие нормы, содержащиеся в Гаагском положении, были признаны всеми цивилизованными народами и рассматриваются как выражение законов и обычаев войны и что военные преступления, определенные в статье 6(b) Устава Нюрнбергского трибунала, уже считались таковыми по международному праву, охватывались Гаагским положением и предусматривали наказание для совершивших их лиц. См., в частности, George A. Finch, «The Nuremberg Trial and International Law», *AJIL*, Vol. 41 (1947), p. 20 ff; Quincy Wright, «The Law of the Nuremberg Trial», *ibid.*, p. 38 ff; F. B. Schlick, «The Nuremberg Trial and the International Law of the Future», *ibid.*, p. 770 ff.
- 5 В своей резолюции 808 (1993) Совет Безопасности, основываясь в данном случае на положениях Главы VII Устава ООН, принял решение учредить Международный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 г. (МТБЮ). Он был наделен юрисдикцией в отношении серьезных нарушений Женевских конвенций 1949 г., нарушений законов и обычаев войны, геноцида и преступлений против человечности. В одном из своих первых решений, вынесенных в апелляционном порядке, МТБЮ заявил, что учреждение международного трибунала Советом Безопасности является мерой, не связанной с использованием вооруженных сил, что согласуется с положениями статьи 41 Устава ООН, и что соответствующее решение было принято во исполнение мандата Совета Безопасности на поддержание международного мира и безопасности в бывшей Югославии на основании Главы VII Устава Организации (*The Prosecutor v. Dusko Tadic*, Case № T-94-1-AR72, Decision on the Defence Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction, 2 October 1995). В деле Момчило Крайсника (*The Prosecutor v. Momcilo Krajisnik*, Case № IT-00-39-PT, Decision on Motion Challenging Jurisdiction – with Reasons, 22 September 2000) МТБЮ сослался на этот прецедент и добавил, что, хотя Устав ООН и содержит принцип суверенитета и невмешательства ООН в дела, по существу, входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, однако, как это предусматривает статья (7) Устава, этот принцип не затрагивает применения принудительных мер согласно Главы II. Следовательно, когда Совет Безопасности действует на основании своих полномочий, определенных в Главе II Устава, он выступает от имени всех государств – членов ООН. См., среди прочего, M. Cherif Bassiouni and Peter Manikas, *The Law of the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia*, Transnational Publishers, New York, 1996, и Karine Lescur, *International Justice for Former Yugoslavia: The Workings of the International Criminal Tribunal of the Hague*, Kluwer Law International, The Hague, 1996.

в связи с драматическими событиями, происшедшими на территории государства Руанды, было принято решение о создании еще одного специального трибунала⁶. Иными словами, новые веяния в праве, выразившиеся в коллективном принятии практических мер для предотвращения и устранения угроз миру, привели к учреждению международных судебных инстанций, уполномоченных подвергать преследованию отдельных лиц, обвиняемых в совершении международных преступлений. Эти международные органы не устанавливают правовые нормы и не занимаются законотворчеством. Они лишь применяют действующее право.

Последним по времени шагом в данном направлении стало создание – в результате заключения соответствующего договора – Международного уголовного суда. Это постоянно действующий орган для преследования лиц, ответственных за деяния, которые международное сообщество в целом рассматривает как тягчайшие преступления. Это, несомненно, относится к военным преступлениям⁷.

Следовательно, учреждение международных уголовных судов, уполномоченных подвергать преследованию отдельных лиц за совершенные ими деяния, когда государства не желают или не могут сделать это сами, либо прямо связано с содержанием международного гуманитарного права и квалификацией его серьезных нарушений как военных преступлений, либо произошло под непосредственным их влиянием. В настоящей статье мы попытаемся хотя бы кратко охарактеризовать этапы становления этих взаимоотношений, чтобы дать представление об их нынешнем уровне.

Состояние дел сегодня

Развитие международного гуманитарного права сопровождалось формулированием принципов и принятием многосторонних договоров, универсальных по своей концепции и применимых к военным преступлениям. Оно нашло отражение в нормах, содержащихся в уставах международных уголовных судебных органов, в их прошлой и текущей практике на основании соответствующих мандатов. В то же время оно обнаруживает непосредственную взаимосвязь между предметом и це-

6 Резолюция 955 (1994). См., в частности, Mubiala Mutoy, «Le tribunal international pour le Rwanda: vraie ou fausse copie du tribunal pénal international pour l'ex-Yugoslavie?», *RGDIP*, Vol. 99 (1995), p. 929 ff.; Mame Mandiaye Niang, «Le Tribunal Pénal International pour le Rwanda. Et si la contumace était possible!», *RGDIP*, Vol. 103 (1999), p. 379 ff.; Catherine Cissé, «The end of a culture of impunity in Rwanda?», *Yearbook of International Humanitarian Law*, 1998, p. 161 ff.

7 Государства – участники Римского статута Международного уголовного суда осознают, как сказано в преамбуле к этому документу, что все народы объединены общими узлами и что взаимопереплетение их культур образует совместное наследие. Таким образом, они признали существование ценностей, в сохранении которых заинтересовано все международное сообщество. См. Bruce Broomhall, *International Justice and the International Criminal Court*, Oxford University Press, Oxford, 2003, p. 41 ff.

лью международного гуманитарного права и созданием указанных трибуналов. Не будучи самостоятельным законотворческим процессом, их юриспруденция, несомненно, является ценнейшим дополнительным средством, позволяющим установить, существует ли та или иная норма права, и определить ее значение и объем действия.

Отсутствие обратного действия

Nullum crimen sine lege – один из основополагающих принципов уголовного права. Согласно ему никто не может быть привлечен к ответственности за противоправное деяние, если не установлено, что в момент его совершения оно подпадало под действие четких норм, которые позволяли квалифицировать его как преступление *ante factum*. Этот принцип, используемый во внутригосударственных правовых режимах, применим и в международном праве. В сущности, отдельные лица несут международную ответственность за свои действия, являющиеся незаконными с точки зрения международного права, независимо от того, что предусматривают положения внутреннего законодательства⁸. Так, защита обвиняемых в Нюрнбергском трибунале ссылалась на принцип отсутствия обратной силы, выступающий как производное от правила *nullum crimen sine lege*. На это Трибунал отвечал, что его Устав отражает не произвол победивших держав, а является выражением действующего международного права. Пояснилось, что право войны возникает не только из договоров, но и из обычаев и практики государств, постепенно получивших всеобщее признание, а также из общих принципов правосудия, применяемых правоведами и военными трибуналами. Право не статично, оно постоянно приспосабливается к потребностям меняющегося мира, так что многие договоры всего лишь отражают существующие принципы права и дают им более конкретное определение.

Индивидуальная уголовная ответственность

Таким образом, Нюрнбергский трибунал подчеркнул взаимосвязь между договорными и обычными нормами международного гуманитарного права, запрещающими определенные действия со стороны отдельных лиц, и учреждением этого трибунала в качестве судебной инстанции, призванной обеспечить применение действующего права.

Женевские конвенции 1949 г., касающиеся защиты жертв вооруженных конфликтов, квалифицируют ряд деяний как серьезные нарушения своих

8 Международный пакт о гражданских и политических правах, ст. 14 и 15; Luigi Condorelli, «La définition des infractions internationales, Présentation de la IIème Partie», in Hervé Ascensio, Emmanuel Decaux and Allain Pellet (eds.), *Droit International Pénal*, Pedone, Paris, 2000, p. 241 ff.

норм и обязывают государства-участников разыскивать и передавать своим судам лиц, предположительно их совершивших либо отдавших приказ об их совершении, или, на по своему усмотрению, передавать этих лиц для предания суду другому государству, если последнее располагает достаточными доказательствами для возбуждения уголовного дела⁹. Уставы Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) и Международного уголовного трибунала по Руанде (МУТР)¹⁰ и Римский статут Международного уголовного суда¹¹ также исходят из презумпции индивидуальной уголовной ответственности. В конечном счете, ввиду его всеобщего признания и отсутствия возражений в момент принятия этот тип ответственности стал составной частью международного права, которое до того регламентировало исключительно отношения между государствами и предусматривало, что только государство возможно привлечь к ответственности за совершение международно-противоправных деяний, хотя эта ответственность может быть гражданской по своей природе¹².

С другой стороны, уголовной ответственности подлежат отдельные лица, совершившие деяние, четко определенное как преступное в международном праве. Это – сфера применения международного права, которое регламентирует поведение отдельного лица как такового и которое, следовательно, может быть приравнено к нормам международного права прав человека, поскольку непосредственным объектом обеих отраслей права – несмотря на различие содержания и целей – является личность¹³.

Естественно, эта ответственность может принимать различные формы. Положения Версальского мирного договора, Уставов Нюрнбергского и Токийского трибуналов и Женевских конвенций 1949 г. не оставляют сомнений в том, что уголовной ответственности за военные преступления подлежат не только их исполнители, но и те, кто приказывает их совершить, каково бы ни было их официальное положение. Римский статут, Уставы МТБЮ и МУТР явным образом упоминают обе формы ответственности, отражают обычное право и определяют объем этой ответственности, считая виновными и тех, кто планирует военные преступления и склоняет к их совершению, а также в любой форме помогает в их планировании, подготовке и осуществлении¹⁴. Конечно, для

9 ЖК I, ст. 49; ЖК II, ст. 50; ЖК III, ст. 129; ЖК IV, ст. 146.

10 Устав МТБЮ, ст. 7, и Устав Международного уголовного трибунала по Руанде (МУТР), ст. 6.

11 Римский статут Международного уголовного суда, ст. 25.

12 См. об этом United Nations General Assembly resolution A/56/83 об ответственности государств за международно-противоправные деяния и доклад Комиссии международного права, послуживший для нее основой.

13 Victoria Abellán Honrubia, «La responsabilité internationale de l'individu», *RCADI*, Vol. 280 (1999), p. 172 ff.

14 Из юриспруденции МТБЮ следует, что вторичная ответственность лиц, участвующих в совершении преступления, тоже влечет за собой наказание, если участие является непосредственным и существенным, что не предусмотрено прямо в Римском статуте, ст. 25(3)(a); см. *The Prosecutor v. Dusko Tadic*, Case № IT-94-1-T, Opinion and Judgment, 7 May 1997, paras. 691 and 692.

того чтобы счесть кого-либо виновным в пособничестве совершению противоправного деяния, необходимо установить наличие связи между действиями тех, кто ответственен в первую очередь, и тех лиц, кто им пособничал¹⁵. Таким образом, ответственность должны нести не только непосредственные исполнители преступления, но и их пособники, те, кто их покрывал, отдавал приказы, предлагал совершить преступление, подстрекал к преступлению или, как это иногда происходило на практике, к покушению на преступление¹⁶.

Далее, индивидуальная уголовная ответственность наступает не только в результате действия, но также и тогда, когда лицо преднамеренно или по небрежности проигнорировало норму, явным образом предусматривающую обязанность совершить определенные действия, то есть не приняло надлежащих мер. Примерами наказуемого бездействия могут послужить преднамеренное убийство путем лишения пищи и неоказания помощи или отказ лицу, лишённому свободы, в праве на справедливое и беспристрастное судебное разбирательство. В сущности, такой ответственности подлежат *de jure* и *de facto* военные командиры и другие начальники, не принявшие все практически возможные меры, чтобы предотвратить или пресечь совершение противоправных действий лицами, находящимися в их подчинении. Речь идет об ответственности командира¹⁷, которая имеет место в рамках более или менее организованной структуры при наличии одного или более подчиненных¹⁸.

15 См. ICTY, *The Prosecutor v. Zlatko Aleksovski*, Case № IT-95-14/1-A, Judgment, 24 March 2000, где снова используются критерии, установленные в деле *The Prosecutor v. Anto Furundzija*, Case № IT-95-17/1-T, Judgment, 10 December 1998, paras. 174–186.

16 Ссылаясь на судебную практику английских военных трибуналов и немецких судов в первые годы после Второй мировой войны и применение ими закона № 10 союзного Контрольного совета для Германии, и МТБЮ, и МУТР пришли к заключению, что соучастие или пособничество в совершении противоправного деяния необязательно сопряжено с какими-либо физическими действиями. Достаточно будет выразить моральную поддержку лицу, совершающему преступление, или подтолкнуть это лицо к его совершению, при условии, что эта поддержка или это потворство оказывают существенное влияние на указанное лицо; ICTY, *Prosecutor v. Anto Furundzija*, см. выше примечание 15; ICTR, *Le Procureur c. Jean-Paul Akayesu*, ICTR-96-4-T, Judgment, 2 September 1998.

17 Этот тип ответственности, как он определен в Дополнительном протоколе I к Женевским конвенциям 1949 г., ст. 86 и 87, является частью обычного права, что нашло подтверждение в практике МТБЮ и МУТР; ICTY: *The Prosecutor v. Zejnil Delalic et al.*, Case № IT-96-21-T, Judgment, 16 November 1998, para. 383; *The Prosecutor v. Tibomir Blaskic*, Case № IT-95-14-T, Judgment, 3 March 2000, para. 290; *The Prosecutor v. Dario Kordic and Mario Cerkez*, Case № IT-95-14/2-PT, Decision on the Joint Defence Motion to Dismiss for Lack of Jurisdiction. Portions of the Amended Indictment alleging Failure to Punish Liability, 2 March 1999; *The Prosecutor v. Momcilo Krajisnik*, см. выше примечание 5; JCTR: *The Prosecutor v. Jean Kambanda*, Case № ICTR-97-23-S, Judgment and Sentence, 4 September 1998.

18 МТБЮ пришел к заключению, что временный характер военной части сам по себе не может служить достаточным основанием, чтобы исключить отношения подчинения между личным составом части и ее командиром; *The Prosecutor v. Dragoljub Kunarac, Radomir Kovac and Zoran Vukovic*, Case № IT-96-23-T and IT-96-23/1-T, Judgment, 22 February 2001, para. 399.

Ответственность командира

Первый постулат – ответственность военных командиров – происходит из права войны и кодифицирован в Гаагской конвенции IV 1907 г. и сопровождающем ее Положении о законах и обычаях сухопутной войны¹⁹. Военный командир или лицо, выступающее в этом качестве, несет ответственность за лиц, находящихся в его подчинении или под его фактическим контролем²⁰, поскольку он не просто должен был бы, но обязан знать, что делают его подчиненные, и принять в пределах своих полномочий все практически возможные меры для того, чтобы предупредить или пресечь совершение противоправных действий²¹. Эта обязанность, тот факт, что начальник знал или должен был знать, что его подчиненные совершили или намереваются совершить преступление, а также наличие взаимоотношения начальник – подчиненный являются тремя составными частями ответственности командира²².

Распространение такого рода ответственности на других начальников, которые не являются военными командирами, вытекает, с другой стороны, из обычного права, как это констатировали МТБЮ и МУТР при толковании соответствующих норм своих Уставов. В своих решениях оба трибунала пришли к заключению, что должностное лицо, действующее от имени государства и наделенное соответствующими полномочиями или *de facto* представляющее правительство и осуществляющее фактический контроль над своими подчиненными, может быть привлечено к ответственности за непринятие мер, хотя в этом случае требуется, чтобы соответствующее лицо знало о предпринимаемых действиях, а не просто не проявило должной бдительности

19 Положение о законах и обычаях сухопутной войны, ст. 1(1), согласно которой военнослужащие из состава вооруженных сил должны иметь во главе лицо, ответственное за своих подчиненных.

20 По мнению МТБЮ, фактический контроль обусловлен тем, что военный командир отдает приказы своим подчиненным. Представления приказа в письменном виде или в какой-либо определенной форме не требуется: *Prosecutor v. Tibomir Blaskic*, см. выше примечание 17; *The Prosecutor v. Dario Kordic and Mario Cerkez*, Case № IT-95-14/2-T, Judgment, 26 February 2001, para. 388.

21 ДП I, ст. 86 и 87; Римский статут, ст. 28(1); см. Ilias Bantekas, *Principles of Direct and Superior Responsibility in International Humanitarian Law*, Manchester University Press, Manchester, 2002, and ICTY, *The Prosecutor v. Zejnir Delalic et al.*, Case № IT-96-21-A, Judgment, 20 February 2001, para. 241, где МТБЮ пришел к заключению, что, принцип, согласно которому начальник подлежит уголовной ответственности, потому что «должен был знать» о намерении своего подчиненного совершить преступление, подразумевает, что начальник несет ответственность, если он располагал информацией, указывающей на то, что его подчиненные совершили противоправные действия; такое толкование было дано также в деле *The Prosecutor v. Tibomir Blaskic*, Case № IT-95-14-A, Judgment, 29 July 2004.

22 JCTY, *The Prosecutor v. Zlatko Aleksovski*, см. выше примечание 15, paras. 74–76.

и не предотвратило совершение указанных действий, как в случае военного командира²³.

Иными словами, это означает, что для привлечения военного командира или иного начальника к ответственности за бездействие нужно, чтобы существовало отношение начальник – подчиненный; чтобы начальник знал, должен был знать или, как это бывает, должен был бы знать, что его подчиненные совершили преступление или намереваются его совершить, и по небрежности не принял необходимых и практически возможных мер для предупреждения деяния или наказания непосредственных исполнителей²⁴. Естественно, ответственность, к которой могут быть привлечены начальники, не увязывается с ответственностью, которой могут подлежать подчиненные, поскольку она существует независимо от того, было или не было совершено противоправное действие²⁵. Иным будет случай начальника, который знает, что его подчиненные намереваются совершить преступление, но осознанно не принимает мер, чтобы его предотвратить, поскольку на него будет возложена ответственность не за непринятие мер, а скорее за участие в совершении противоправного действия²⁶. В такой же ситуации окажется начальник, который, используя свое положение, планирует соверше-

- 23 JCTR: *Le Procureur c. Jean Paul Akayesu*, см. выше примечание 16; *Le Procureur c. Clément Kayishema et Obed Ruzindana*, ICTR-95-1-T, Jugement et Sentence, 21 May 1999; МТБЮ: *The Prosecutor v. Zejnil Delalic and al.*, Case № IT-96-21, Judgment, 16 November 1998, также см. выше примечание 21, para. 241; *The Prosecutor v. Zlatko Aleksovski*, Case № IT-95-14/1-T, Judgment, 25 June 1999, paras. 66–81. Это – лишь некоторые из дел, при рассмотрении которых со ссылкой на процессы, проведенные в судах различных стран сразу после Второй мировой войны, было сочтено, что этому виду ответственности могут подлежать как военные командиры, так и гражданские лица, если последние использовали свое влияние и приказали совершить преступление либо не использовали своего влияния в целях предупреждения этого преступления; см. Римский статут, ст. 28 (2).
- 24 МТБЮ пришел к выводу, что начальник должен был располагать информацией, указывающей на необходимость дополнительного расследования, и что в каждом отдельном случае надлежит определить, принял ли начальник практически возможные меры: *The Prosecutor v. Zejnil Delalic et al.*, см. выше примечание 17, para. 354, где Апелляционная камера заключила, что командир de facto несет ответственность за поведение своих подчиненных, когда он осуществляет фактический контроль над ними и имеет в своем распоряжении информацию, которая должна была привлечь его внимание к их действиям, Judgment, 20 February 2001, para. 241. Впоследствии Апелляционная камера уточнила в отношении преступления «пытки», что начальнику недостаточно обладать информацией относительно того, что его подчиненные избивают заключенных, и что ему необходимо иметь информацию хотя бы общего характера о том, что есть опасность применения побоев для достижения одной из целей, определенных в запрещении пыток; *The Prosecutor v. Milorad Krnojelac*, Case № IT-97-25-A, Judgment, 17 September 2003, para. 155.
- 25 МТБЮ заключил, что к начальникам, которые планируют незаконное действие, подстрекают к нему подчиненных или приказывают им его совершить, следует применять положение об отягчающих обстоятельствах, что влечет за собой более продолжительные сроки заключения; *The Prosecutor v. Zlatko Aleksovski*, см. выше примечание 15, para. 183.
- 26 См. также ICTY, *The Prosecutor v. Milorad Krnojelac*, Case № IT-97-25-A, Appeal Judgment, 17 September 2003, para. 52, и *The Prosecutor v. Radislav Krstic*, Case № IT-98-33-A, Appeal Judgment, 19 April 2004, paras. 137–140.

ние преступления своими подчиненными, подстрекает их к нему, участвует в его планировании, подготовке или осуществлении, потому что в любом из этих случаев его ответственность будет вытекать из его собственных действий²⁷. Поэтому нельзя считать, что лицо может одновременно нести ответственность как начальник и исполнитель преступления. Скорее его положение начальника может быть расценено какотягчающее обстоятельство и повлечь более строгое наказание²⁸.

Этот аспект индивидуальной уголовной ответственности – ответственность командира – связан с ответственностью подчиненного, совершающего преступление. И в этом случае данный общий принцип восходит к положениям Устава Нюрнбергского трибунала, согласно которым тот факт, что подсудимый действовал по распоряжению правительства или приказу начальника, не освобождает его от ответственности, но может рассматриваться как довод для смягчения наказания, если Трибунал признает, что этого требуют интересы правосудия²⁹. Уставы МТБЮ и МУТР³⁰ используют практически такую же формулировку: тот факт, что обвиняемый действовал по приказу правительства или начальника, не освобождает его от уголовной ответственности, однако может рассматриваться как основание для смягчения наказания, если Международный трибунал признает, что этого требуют интересы правосудия³¹. Хотя повиновение прика-

27 См. также ICTY, *The Prosecutor v. Radovan Karadzic and Ratko Mladic*, Case № IT-95-5, Review of the Indictments Pursuant to Rule 61 of the Rules of Procedure and Evidence, 11 July 1996, para. 83; *Prosecutor v. Dario Kordic and Mario Cerkez*, см. выше примечание 20, para. 371; *Prosecutor v. Tibomir Blaskic*, см. выше примечание 21, где МТБЮ сформулировал вывод о том, что в случае начальников, отдавших приказ о совершении определенного действия или не принявших мер, зная о том, что, возможно, будет совершено преступление во исполнение отданного ими приказа, с их стороны имеется *mens rea* (виновная воля), достаточная для того, чтобы считать их лично ответственными за преступление, связанное с отданным ими приказом. МТБЮ придерживается мнения, что в этом случае отдание приказа, когда известно, к чему он приведет, может быть приравнено к оправданию преступления.

28 См. также ICTY, *The Prosecutor v. Dario Kordic and Mario Cerkez*, Case № IT-95-14/2-A, Appeal Judgment, 17 December 2004, para. 34, где МТБЮ занимает ту же позицию, что и в деле *Prosecutor v. Tibomir Blaskic*, см. выше примечание 21, paras. 90–91 и *The Prosecutor v. Zlatko Aleksouski*, см. выше примечание 15, para. 183.

29 Устав Нюрнбергского трибунала, ст. 8; см. О. Сара Ливерант, «Les exécutants», in Ascencio, Decaux and Pellet, см. выше примечание 8, pp. 211 ff.; М. J. Осель, «Obeying orders: atrocity, military discipline, and the law of war», *Cal. Law Rev.*, Vol. 86 (1998), p. 939 ff.

30 Устав МТБЮ, ст. 7.4; Устав МУТР, ст. 6.4.

31 В МТБЮ защита приводила в качестве аргумента обязанность выполнить приказ, отданный в принудительном порядке, исходя из того, что в данных условиях каждый случай следует рассматривать отдельно, чтобы определить, был ли должен обвиняемый не подчиниться приказу, был ли у него моральный выбор, чтобы сделать это или, по крайней мере, попытаться. При этом было сказано, что принуждение не освобождает полностью от ответственности военнотружачего, обвиняемого в совершении преступления против человечности или военного преступления, связанного с убийством ни в чем не повинных людей, *The Prosecutor v. Drazen Erdemovic*, Case № IT-96-22-T, Sentencing Judgment, 12 November 1996, para. 19; Judgment in the Appeals Chamber, 7 October 1997, para. 19; см. Peter Rowe, «Duress as a Defence to War Crimes after Erdemovic: A Laboratory for a Permanent Court?», *Yearbook of International Humanitarian Law*, Vol. I (1998), p. 210 ff.

зам и является неотъемлемой частью такой системы, как военная структура, каждый человек несет ответственность за действия, совершенные им без принуждения и во вменяемом состоянии, а это предполагает, что он удостоверился в законности полученного приказа, его соответствии международному обычному и договорному праву и находится в положении, когда у него есть возможность вынести суждение по данному вопросу.

Военные преступления в любых ситуациях вооруженных конфликтов

Притом что индивидуальная уголовная ответственность за совершение военных преступлений выступает как принцип общего международного права, установленный Версальским мирным договором и Уставом Нюрнбергского трибунала, следует помнить, что преступления, которые упоминались в первом и были объектом разбирательства во втором случае, представляли собой нарушения законов и обычаев войны, совершенные исключительно в период вооруженного конфликта. Женевские конвенции 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним распространили сферу применения данной отрасли права на любые международные вооруженные конфликты, но не содержат положений, которые бы позволили заключить, что военные преступления могут происходить и в вооруженных конфликтах немеждународного характера. В этом отношении судебная практика МТБЮ и МУТР имеет особую ценность для определения сферы применения международного гуманитарного права, поскольку они стали первыми органами международной юстиции, учрежденными для судебного преследования лиц, ответственных за такие преступления.

Когда Совет Безопасности ООН принял резолюцию 827 (1993), в которой был одобрен Устав МТБЮ, США выразили мнение, разделенное Великобританией и Францией, что положение Устава МТБЮ, предоставившее ему юрисдикцию в отношении нарушений законов и обычаев войны, охватывает и обязанности, установленные на территории бывшей Югославии международным гуманитарным правом, действовавшим в момент совершения указанных деяний, в том числе статьей 3, общей для всех четырех Женевских конвенций, и обоими Дополнительными протоколами 1977 г. А это означает, что три постоянных члена Совета Безопасности придерживаются точки зрения, согласно которой военные преступления могут иметь место в рамках не только международных вооруженных конфликтов, но также и вооруженных конфликтов немеждународного характера, поскольку и статья 3, общая, и Дополнительный протокол II 1977 г. регламентируют такие конфликты и запрещают определенные действия.

Однако нормы Дополнительного протокола II применяются в конфликтах немеждународного характера, отвечающих определенным критериям: конфликт должен происходить на территории государства-

участника между его вооруженными силами и антиправительственными вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью его территории, который позволяет им вести непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол³². С другой стороны, общая статья 3 применяется, как явствует из ее формулировки, в вооруженных конфликтах немеждународного характера, разворачивающихся на территории одной из Высоких Договаривающихся Сторон. Поскольку иные условия не выдвигаются, вопрос о сфере применения оставлен на усмотрение толкователя. Отсюда можно сделать вывод о том, что ситуации, к которым она применима, не исчерпываются случаями, описанными в Дополнительном протоколе II, причем предусмотренные права и обязанности составляют минимум, обязательный для любой стороны в конфликте.

В свете вышеизложенного МТБЮ счел, что Устав наделил его юрисдикцией только в отношении права войны, касающегося ведения военных действий, но также и в отношении нарушений статьи 3, общей, ибо если установленные в ней запреты представляют собой минимум, обязательный для всех сторон в конфликте немеждународного характера, этот минимум должен применяться в конфликтах любого вида. Исходя из этого, с точки зрения обычного права, которое предусматривает индивидуальную уголовную ответственность за все нарушения норм международного гуманитарного права, нарушения запретов, установленных в общей статье 3, являются военными преступлениями³³. Необходимо отметить, что в случае, ставшем источником данной судебной практики, выдвинутые обвинения касались нарушений общей статьи 3 и Положения о законах и обычаях сухопутной войны, приложенного к Гаагской конвенции IV 1907 г., а именно запрещения грабежа, и были увязаны с предоставленной МТБЮ юрисдикцией в отношении нарушений законов и обычаев войны. МТБЮ пришел к этому выводу в результате следующего заключения. Прежде всего он счел, что его Устав надлежит толковать как наделяющий его юрисдикцией в отношении преследования любых нарушений международного гуманитарного права, не нашедших отражения в других его положениях, то есть в так называемом Женевском праве (в основном четыре Женевские конвенции, по ряду направлений полу-

32 ДП II, ст. 1 (1).

33 Статья 3 Устава гласит, что Международный трибунал полномочен подвергать судебному преследованию лиц, нарушающих законы и обычаи войны. См. также ICTY, *The Prosecutor v. Dusko Tadic*, см. выше примечание 5; ICTY, *The Prosecutor v. Zejnir Delalic et al.*, см. выше примечание 17. Эту точку зрения разделяет и Апелляционная камера: Appeals Chamber, Judgment, 20 February 2001, paras. 140–143; ICTY, *The Prosecutor v. Dario Kordic and Mario Cerkez*, Case № IT-95-14/2PT, Decision on Joint Defence Motion to Dismiss the Amended Indictment for Lack of Jurisdiction based on Limited Jurisdictional Reach of Articles 2 and 3, 12 March 1999.

чившие развитие в двух Дополнительных протоколах) или в том, что называют Гагским правом, которое представлено преимущественно нормами, принятыми в 1907 г. и дополненными впоследствии другими нормами Протоколов. Более того, в своем решении МТБЮ напомнил об обычном характере содержания общей статьи 3, явным образом сославшись на связанную с этим юриспруденцию Международного суда³⁴ и МУТР³⁵, а также на доклад Генерального секретаря ООН, представленный Совету Безопасности во исполнение резолюции 808 (1993), и заявление, сделанное США в связи с принятием Устава, которое не встретило возражений. Кроме того, в ответ на утверждения защиты о том, что такое толкование нарушает принцип *nullum crimen sine lege*, Трибунал заявил, что преступления, поименованные в общей статье 3, уже квалифицировались как таковые в национальных законодательствах, действовавших в момент совершения указанных деяний. Исходя из этого, он счел, что перечень преступлений, содержащийся в Гагской конвенции 1907 г. и воспроизведенный в статье 3 его Устава, является эксплицитным и позволяет ему преследовать лиц, совершивших любое нарушение обычного международного гуманитарного права, не рассматриваемое в этом правовом документе как серьезное нарушение Женевских конвенций 1949 г., за геноцид и преступления против человечности³⁶. По мнению Трибунала, данные положения были призваны исключить отсутствие у Трибунала юрисдикции в отношении какого-либо преступления и обеспечить достижение цели, ради которой он был учрежден Советом Безопасности. Иными словами, речь идет о том, чтобы не допустить безнаказанности лиц, виновных в нарушениях, в каких бы условиях они ни были совершены. Телеологический принцип толкования и принцип эффективности четко прослеживаются в аргументации Трибунала.

Из юриспруденции Трибунала ясно видно, что положения общей статьи 3 представляют собой минимальные обязанности для всех сторон,

34 ICJ, *Case concerning Military and Paramilitary Activities in and Against Nicaragua (Nicaragua v. United States)*, ICJ Reports 1986.

35 ICTR, *Le Procureur c. Jean Paul Akayesu*, см. выше примечание 16.

36 «Зонтичный» характер этой нормы в Уставе Трибунала был еще раз подчеркнут в деле *The Prosecutor v. Anto Furundzija*, см. выше примечание 15, где боснийско-хорватский лидер обвинялся в нарушениях законов и обычаев войны в отношении боснийских мусульман. Трибунал заключил, что в данном случае пытки и унижение человеческого достоинства, в том числе изнасилование, являлись преступлениями, в отношении которых Трибунал обладает юрисдикцией согласно положениям статьи 3 своего Устава. Трибунал высказал ту же точку зрения в деле *The Prosecutor v. Zlatko Aleksovski*, см. выше примечание 15, где начальник сербско-боснийского лагеря в силу ответственности командира обвинялся в нарушениях законов и обычаев войны в форме унижения достоинства заключенных и дурного физического и психологического обращения с ними, и в *The Prosecutor v. Goran Jelusic*, Case № IT-95-10-T, Judgment, 14 December 1999, где против подсудимого выдвигались обвинения в убийстве, жестоком обращении и грабеже в нарушение законов и обычаев войны, а также в убийствах и других бесчеловечных деяниях как преступлениях против человечности.

вовлеченных в любую ситуацию вооруженного конфликта. Исходя из вышеизложенного и принимая во внимание тот факт, что Дополнительный протокол II был принят, чтобы развить и дополнить упомянутые нормы, логично заключить, что вооруженный конфликт немеждународного характера, к которому применима общая статья 3, необязательно должен отвечать всем требованиям Протокола II, чтобы к нему применялись положения данного документа. И МТБЮ пришел к такому заключению, установив, что вооруженный конфликт имеет место всякий раз, когда государства применяют друг против друга вооруженную силу или когда на территории государства идет длительная вооруженная борьба между правительственными властями и организованными вооруженными группами либо между самими такими группами³⁷. Последний случай, естественно, не входит в предметную сферу применения Дополнительного протокола II, поскольку в боевых действиях не участвуют правительственные вооруженные силы, однако положения общей статьи 3 являются обязательными и здесь³⁸.

По этой причине МТБЮ, ссылаясь на практику государств, официальные военные руководства, внутригосударственное законодательство, касающееся выполнения обязанностей по Женевским конвенциям 1949 г., цель, сформулированную Советом Безопасности, и логическое толкование Устава Трибунала и обычного права, счел, что в соответствии с общим международным правом уголовной ответственности подлежат и лица, совершившие серьезные нарушения общей статьи 3, причем независимо от того, было ли это сделано в форме непредоставления защиты лицам, имеющим на нее право, или несоблюдения норм, регламентирующих средства и методы ведения военных действий. Трибунал заявил о том, что он компетентен рассматривать дела о предположительном совершении подобных нарушений, будь то в рамках международного или немеждународного вооруженного конфликта. Сделав еще один шаг в толковании, Трибунал заключил, что в соответствии с обычным правом данная норма, несомненно, применима к любым видам конфликтов – международным или немеждународным, – поскольку она охватывает минимальные обязанности, которые должны соблюдать все противоборствующие стороны³⁹.

37 ICTY, *Prosecutor v. Dusko Tadic*, см. выше примечание 5.

38 См. Поль Тавернье. Опыт Международных уголовных трибуналов по бывшей Югославии и по Руанде, *Международный журнал Красного Креста*, ноябрь – декабрь 1997, № 19, с. 699–718. Такое толкование было принято и МУТР в: *Le Procureur c. Jean Paul Akayesu*, см. выше примечание 16, где сказано, что международное гуманитарное право должно проводить четкое различие между ситуациями международного вооруженного конфликта, когда применяются все нормы; ситуациями вооруженного конфликта немеждународного характера, когда применяются общая статья 3 и Дополнительный протокол II, и ситуациями вооруженного конфликта немеждународного характера, к которым применима только общая статья 3.

39 ICTY: *The Prosecutor v. Anton Furundzija*, Case № IT-95-17, Decision on the Defendant's Motions to Dismiss Counts 13 and 14 of the Indictment (Lack of Subject Matter Jurisdiction), 29 May 1998; *Prosecutor v. Zejnil Delalic et al.*, см. выше примечание 21, para. 143.

Расширилось ли понятие военных преступлений?

Соответственно, ввиду того, что предметная компетенция, предоставленная МТБЮ Советом Безопасности, распространяется на нормы, которые на момент учреждения Трибунала являлись частью как обычного международного, так и договорного права, решения МТБЮ покажут нам, расширилось ли понятие военных преступлений за годы, прошедшие со времени создания Нюрнбергского трибунала. В самом деле, в это понятие включают не только серьезные нарушения международного гуманитарного права, происходящие в условиях войны как таковой, но и деяния, совершенные в связи с вооруженным конфликтом. Причем это справедливо и для случаев, когда единственными противоборствующими сторонами являются организованные вооруженные группы на территории одной страны⁴⁰.

Справедливость данного толкования подтверждается тем фактом, что, учредив МУТР, Совет Безопасности четко прописал в его юрисдикции преследование лиц, ответственных за нарушения не только общей статьи 3, но и Дополнительного протокола II⁴¹, положения которых применяются в конфликтах, не носящих международного характера. МУТР постановил, что интенсивность такого конфликта не зависит от субъективного мнения находящихся в нем сторон, и добавил, что общая статья 3 носит обычный характер и устанавливает индивидуальную уголовную ответственность за серьезные нарушения, имея в виду норму, защищающую фундаментальные ценности, несоблюдение которой влечет серьезные последствия для жертвы⁴².

Устав МУТР гласит, что такие нарушения включают насилие против жизни, здоровья, физического и психологического благополучия людей, в частности убийство и жестокое обращение, такое, например, как пытки, причинение увечий и любые формы телесных наказаний, коллективные наказания, взятие заложников, акты терроризма, унижение человеческого достоинства, в том числе оскорбительное и унижающее

40 См. Djamchid Montaz, «War crimes in non-international armed conflict under the Statute of the International Criminal Court», *Yearbook of International Humanitarian Law*, 1999, p. 177 ff., Daryl Robinson and Herman von Hebel, «War crimes in internal conflicts: article 8 of the ICC Statute», *ibid.*, p. 193 ff.

41 Устав МУТР, ст. 4.

42 ICTR, *Le Procureur c. Jean Paul Akayesu*, см. выше примечание 16. Следует подчеркнуть, что, как указано в обвинительном заключении МУТР, Руанда присоединилась к Женевским конвенциям 5 мая 1964 г. и к Дополнительному протоколу II – 19 ноября 1984 г. По словам генерала Деллэра, привлеченного в качестве свидетеля, на территории Руанды имела место гражданская война между правительственными силами (FAR – вооруженные силы Руанды) и Руандийским патриотическим фронтом (РПФ) под командованием генерала Кагаме, причем оба формирования являлись организованными вооруженными группами. С середины мая 1994 г. РПФ начал расширять границы зоны, находящейся под его контролем, а непрерывные боевые действия велись до прекращения огня 18 июля 1994 г., из чего в обвинительном заключении делается вывод о наличии всех критериев, необходимых для применения Дополнительного протокола II.

обращение, изнасилование, принуждение к проституции, непристойные посягательства в любой форме, грабеж, осуждение и применение наказания без предварительного судебного решения, вынесенного надлежащим образом учрежденным судом при наличии судебных гарантий, признанных необходимыми цивилизованными нациями, а также угрозы совершения любого из вышеперечисленных деяний. Однако этот перечень не является исчерпывающим. Интересно отметить, что поименованные нарушения более или менее совпадают по формулировкам с деяниями, запрещенными Дополнительным протоколом II⁴³ и общей статьей 3⁴⁴ в отношении лиц, которые не участвуют или прекратили участвовать в военных действиях, причем независимо от того, были ли эти лица лишены свободы.

Общая статья 3 гласит, что защитой пользуются лица, которые непосредственно не принимают участия в военных действиях, включая тех лиц из состава вооруженных сил, которые сложили оружие, а также тех, которые перестали принимать участие в военных действиях вследствие болезни, ранения, задержания или по любой другой причине без всякой дискриминации⁴⁵. МТБЮ счел, что нарушения этой нормы в отношении лиц, удерживаемых вооруженными силами противной стороны, независимо от формы их участия в военных действиях до момента их захвата, следует рассматривать как совершенные в отношении лиц из состава вооруженных сил, переставших принимать участие в военных действиях вследствие задержания. Несомненно, такие лица находятся под защитой норм обычного международного права, применимых к вооруженным конфликтам, таких, например, как положения общей статьи 3⁴⁶.

Из Уставов МТБЮ и МУТР, а также из их практики толкования международного гуманитарного права вытекает, что нарушения запретов, установленных общей статьей 3, являются военными преступлениями в любой ситуации вооруженного конфликта. При этом следует помнить о том, что Устав МТБЮ содержит две самостоятельные нормы, одна из которых позволяет ему преследовать лиц, нарушивших законы и обычаи войны⁴⁷, а другая предоставляет ему юрисдикцию в отношении нарушений Женевских конвенций 1949 г.⁴⁸ Что касается последних, Трибунал полномочен преследовать лиц, ответственных за поименованные в Конвенциях деяния, совершенные в отношении лиц и объектов, находящихся под защитой их положений. В этом случае имеются в виду деяния в рамках определенного типа вооруженных конфликтов, а именно международных вооруженных конфликтов.

43 ДП II, ст. 4 (2).

44 ЖК I – IV, ст. 3 (1), в частности пункт d.

45 ЖК I – IV, ст. 3 (1).

46 ICTY, *The Prosecutor v. Zejnil Delalic et al.*, см. выше примечание 17.

47 Устав МТБЮ, ст. 3.

48 Устав МТБЮ, ст. 2.

Вопрос контроля

В этой связи МТБЮ заявил, что в отличие от положения, касающегося нарушений законов и обычаев войны, данная норма его Устава применяется к конфликтам международного характера. К этой категории конфликтов должны быть отнесены те, в которых противоборствуют два государства, а также если третье государство направляет свои войска, либо одна из сторон действует в интересах другого государства. Трибунал напомнил также, что лица из состава военизированных формирований и других нерегулярных войск могут считаться комбатантами, если они принадлежат к одной из сторон в конфликте, находятся под ее контролем и между ними существуют отношения зависимости и подчинения. По мнению МТБЮ, контроль, необходимый для того, чтобы лица из состава этих формирований считались фактическими представителями государства, должен выражаться не только в их финансировании и экипировке, но и в планировании их операций и надзоре за их проведением. Однако соответствующее государство не обязано отдавать приказы и распоряжения по каждой военной акции. Иными словами, оно должно осуществлять общий контроль⁴⁹.

Квалификация вооруженного конфликта как международного в силу вмешательства во внутренний конфликт третьего государства, осуществляющего общий контроль над одной из участвующих в нем сторон, представляется особенно актуальной в свете применения положений Женевских конвенций 1949 г., касающихся серьезных нарушений: чтобы то или иное деяние было квалифицировано как военное преступление, жертвы должны быть покровительствуемыми лицами по смыслу Конвенций. В этом отношении статья 4 Женевской конвенции IV о защите гражданского населения во время войны предусматривает, что покровительство Конвенции распространяется на лиц, которые в какой-либо момент и каким-либо образом находятся в случае конфликта или оккупации во власти стороны, находящейся в конфликте, или оккупирующей державы, гражданами которой они не являются. Иными словами, одно из условий применения Конвенции таково: задержанное лицо не должно принадлежать к числу граждан удерживающей державы. По мнению МТБЮ, исходя из предмета и целей Женевской конвенции IV, защита должна быть распространена на лиц, находящихся во власти стороны, которая не предоставляет им дипломатической защиты, и не связанных с ней долгом верности⁵⁰. Это толкование основывается на критерии эффективного гражданства, установленном много лет назад

49 ICTY, *The Prosecutor v. Dusko Tadic*, Case № IT-94-1-A, Judgment, 15 July 1999; *The Prosecutor v. Zlatko Aleksovski*, см. выше примечание 15, пункты 145–151.

50 ICTY, *The Prosecutor v. Dusko Tadic*, Case № IT-94-1-A, см. выше примечание 49; *The Prosecutor v. Zlatko Aleksovski*, см. выше примечание 15, пункты 151–152.

Международным судом⁵¹. Отсюда следует логический вывод: только гражданство, отражающее реальную связь между лицом и государством, имеет значение для международного права – в данном случае как препятствие к тому, чтобы лицо пользовалось защитой, которая ему положена согласно международному гуманитарному праву⁵².

Связь с вооруженным конфликтом

Следовательно, военные преступления – тяжкие нарушения международного договорного или обычного права, являющегося выражением основополагающих ценностей; причем нарушения, которые имеют серьезные последствия для жертвы и предполагают привлечение к ответственности виновных в них лиц. Такую квалификацию получают деяния, совершенные в непосредственной связи с любым – международным или немеждународным – вооруженным конфликтом. Однако связь между деянием и конфликтом необязательно означает, что оно должно быть совершено в зоне боевых действий или непосредственно в ходе нападения. Применение норм международного гуманитарного права зависит не от воли заинтересованных сторон, а от объективного факта наличия вооруженного конфликта⁵³. Трибунал уточнил сферу применения вытекающих отсюда обязанностей и заявил: необходимость существования связи между действиями обвиняемого и конфликтом не означает, что они должны быть совершены в районах боевого соприкосновения – законы войны применяются на всей территории сторон в конфликте или, в случае вооруженных конфликтов немеждународного характера, на всей территории, контролируемой одной из сторон, до восстановления мира или – во втором случае – до мирного решения проблемы, ставшей причиной противоборства сторон⁵⁴. МТБЮ высказал то же мнение в другом решении, которое было принято позднее, добавив, что существует целый ряд факторов, с учетом которых определяется, наличествует ли достаточная связь с вооруженным конфликтом, чтобы деяние могло быть квалифицировано как военное преступление: было ли лицо, ответственное за нарушение,

51 ICJ, *Nottenbohm case, Liechtenstein v. Guatemala*, ICJ Reports 1955.

52 Исходя из представленных доказательств, МТБЮ заключил, что в деле *Tadić* жертвы являлись покровительствуемыми лицами, поскольку не были связаны обязательством верности по отношению к Федеративной Республике Югославия, и что конфликт носил международный характер, поскольку боснийско-сербские силы действовали в интересах Федеративной Республики Югославия. В решении по делу *Алексовского* МТБЮ указал, что конфликт был международным ввиду участия Хорватии, а жертвы – боснийские мусульмане являлись покровительствуемыми лицами, добавив, что в определенных обстоятельствах этот статус предоставлялся жертвам, хотя у них было то же гражданство, что и у захвативших их лиц.

53 Статья 1, общая для всех четырех Женевских конвенций 1949 г., гласит, что Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются при любых обстоятельствах соблюдать Конвенции.

54 ICTY, *The Prosecutor v. Dusko Tadic*, см. выше примечание 5, para. 70.

комбатантом; была ли жертва некомбатантом и принадлежала ли она к стороне противника; можно ли предположить, что совершенное деяние способствовало достижению цели военной кампании; было ли преступление совершено в рамках исполнения должностных обязанностей обвиняемого⁵⁵. Жертвы могут принадлежать к личному составу неприятельских вооруженных сил, быть гражданскими лицами, числящимися за противной стороной, или лицами, находящимися под защитой международного права, то есть лицами, которые непосредственно не участвуют или прекратили участвовать в военных действиях⁵⁶, а преступление может быть совершено в форме насилия против личности или использования запрещенных методов и средств ведения военных действий.

Юрисдикция Международного уголовного суда

Многие принципы международного гуманитарного права, которые нашли отражение в практике МТБЮ и МУТР, трактующей содержащиеся в их Уставах положения в свете изменений, происшедших в этой области позитивного права, и многие нормы многосторонних договоров, заключенных с целью ограничения насилия, были учтены участниками конференции, которая состоялась в Риме в 1998 г. под эгидой ООН и утвердила Статут Международного уголовного суда (Римский статут). МУС был уполномочен преследовать физических лиц⁵⁷, ответственных за преступления, подпадающие в момент их совершения под юрисдикцию Суда⁵⁸. Должностное положение не является основанием для освобождения от ответственности⁵⁹. Установив ответственность командиров и других начальников⁶⁰, Римский статут предусматривает, что, в принципе, тот факт, что преступление было совершено лицом по приказу правительства или начальника, не освобождает это лицо от уголовной ответственности⁶¹.

МУС обладает юрисдикцией, в частности, в отношении военных преступлений⁶². Хотя Римский статут и содержит их наиболее полный на сегодняшний день перечень, Суд подходит к ним несколько по-иному, поскольку государство, становясь участником Статута, имеет право заявить, что в течение семи лет после вступления Статута в силу для данного госу-

55 ICTY, *The Prosecutor v. Dragoljub Kunarac, Radomir Kovac and Zoran Vucovic*, Case № IT-96-23 and IT-96-23/1A, Appeals Judgment, 12 June 2002, para. 59.

56 ICTY, *The Prosecutor v. Miroslav Kvocka, Milojica Kos, Mlado Radic, Zoran Zigid and Dragoljub Prac*, Case № IT-98-30/1-T, Judgment, 2 November 2001, para. 124.

57 Римский статут, ст. 1 и 25.

58 Римский статут, ст. 22 и 23.

59 Римский статут, ст. 27.

60 Римский статут, ст. 28.

61 Римский статут, ст. 33.

62 Римский статут, ст. 5.

дарства оно не признает юрисдикцию МУС в отношении военных преступлений, если преступление предположительно было совершено его гражданами или на его территории⁶³. Далее, только в отношении военных преступлений основанием для освобождения от уголовной ответственности может считаться тот факт, что обвиняемый юридически обязан исполнять приказы правительства или начальника; не знал, что приказ был незаконным и приказ не был явно незаконным⁶⁴. Наконец, только в связи с военными преступлениями возможна ссылка на действия с целью защитить не только себя или другое лицо, но также и имущество, особо важное для его выживания или для выполнения задачи военного характера⁶⁵.

Римский статут отразил изменения, происшедшие в обычном праве и нашедшие выражение в Уставах и практике МТБЮ и МУТР. Он определил четыре категории военных преступлений – две для международных вооруженных конфликтов⁶⁶ и две для конфликтов немеждународного характера⁶⁷. Однако, как указывается в Элементах преступлений, принятых Ассамблеей государств-участников для того, чтобы помочь Суду толковать и применять свою юрисдикцию⁶⁸, не требуется, чтобы исполнитель производил правовую оценку того, имеет ли место вооруженный конфликт и какой характер – международный или немеждународный – он носит. Не требуется и знание исполнителем фактов, позволяющих установить характер – международный или немеждународный – конфликта. Необходимо лишь знание им фактических обстоятельств, указывающих на наличие вооруженного конфликта, поскольку военное преступление должно происходить в условиях такого конфликта и быть связано с ним.

Согласно обычному праву военные преступления могут быть совершены лицом, действующим по своей инициативе, а не по приказу. Однако для того чтобы Суд мог осуществить свою юрисдикцию в отношении такого рода преступлений, Римский статут требует, «в частности», чтобы они оказались «совершены в рамках плана или политики или при крупномасштабном совершении таких преступлений»⁶⁹. Словосочетание «в частности» позволяет Суду самостоятельно толковать сферу применения данной нормы, исходя из того, что любой судья сам определяет пределы своей компетенции и может на этой основе решать, есть ли правовые основания для преследования того или иного лица⁷⁰.

63 Римский статут, ст. 124.

64 Римский статут, ст. 33.

65 Римский статут, ст. 31(1)(с).

66 Римский статут, ст. 8(2)(а) и (b).

67 Римский статут, ст. 8(2)(с) и (е).

68 Римский статут, ст. 9.

69 Римский статут, ст. 8(1).

70 H. Von Hebel and D. Robinson, «Crimes Within the Jurisdiction of the Court», in Roy Lee (ed.), *The International Criminal Court: The Making of the Rome Statute, Issues, Negotiations, Results*, Kluwer Law International, The Hague, 1999, конкретно по данному вопросу p. 124.

К первой категории преступлений, определенных для ситуаций международного вооруженного конфликта, относятся серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 г.⁷¹ На основе толковательной практики МТБЮ Элементы преступлений устанавливают, что исполнителю необязательно должно быть известно гражданство жертв – достаточно того, что он знает об их принадлежности к противной стороне, так как даже в том случае, когда исполнитель преступления и жертвы имеют одно и то же гражданство, соответствующее государство может лишить их защиты ввиду их принадлежности к этническому меньшинству. Во вторую категорию преступлений входят другие серьезные нарушения законов и обычаев, применимых в международных вооруженных конфликтах «в установленных рамках международного права»⁷². Ссылка на международное право позволяет сделать вывод: лицо подлежит ответственности всякий раз, когда оно нарушает принципы международного гуманитарного права, такие как принцип проведения различия между комбатантами и гражданскими лицами, принцип соразмерности и принцип военной необходимости.

Указанные преступления относятся к Гаагскому праву⁷³ и считаются военными преступлениями согласно Дополнительному протоколу I к Женевским конвенциям 1949 г.⁷⁴ Кроме этого, данная категория включает нарушения права на защиту персонала, осуществляющего операции по оказанию гуманитарной помощи и миротворческие миссии на основании Устава ООН, пока он имеет право на защиту, которое предоставляет гражданским лицам и гражданским объектам международное право вооруженных конфликтов – то есть пока они не принимают непосредственного участия в военных действиях⁷⁵. Кроме этого, умышленное совершение нападения, когда известно, что такое нападение явится причиной обширного, долгосрочного и серьезного ущерба окружающей природной среде, который будет явно несоизмерим с конкретным и непосредственно ожидаемым общим военным превосходством⁷⁶,

71 Римский статут, ст. 8(2)(a)(i-viii).

72 Римский статут, ст. 8(2)(b).

73 Положение о законах и обычаях сухопутной войны, приложенное к Гаагской конвенции 1907 г., ст. 23 и 28.

74 ДП I, ст. 11, 85(2), (3) и (4), несмотря на частичное несовпадение формулировок.

75 Римский статут, ст. 8(2)(b)(iii); Конвенция о безопасности персонала ООН и связанного с ней персонала, 1994 г.

76 Римский статут, ст. 8(2)(b)(iv); ДП I, ст. 35(3) – основополагающая норма – запрещает применять методы или средства ведения военных действий, которые имеют своей целью причинить или, как можно ожидать, причинят обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде. Согласно статье 55, при ведении военных действий проявляется забота о защите природной среды от обширного, долговременного и серьезного ущерба. Такая защита включает запрещение использования методов или средств ведения войны, которые имеют целью причинить или, как можно ожидать, причинят такой ущерб природной среде и тем самым нанесут ущерб здоровью или выживанию населения. Причинение ущерба природной среде в качестве репрессалий запрещается. В 1976 г. ООН приняла Конвенцию о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду.

и умышленное нанесение ударов по зданиям, предназначенным для целей религии, образования, искусства, науки или благотворительности, историческим памятникам, госпиталям и местам сосредоточения больных и раненых – при условии, что они не являются военными целями⁷⁷, – также относятся к числу преступлений, в отношении которых МУС обладает юрисдикцией. Что касается норм, обеспечивающих защиту культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, интересно отметить, что в данном положении Римского статута упоминаются лишь преднамеренные нападения только на один из видов таких ценностей, а именно на здания, предназначенные для целей искусства, и памятники, и ничего не сказано о ценностях, движимых или недвижимых, которые имеют большое значение для культурного наследия каждого народа, таких как археологические месторасположения, книги и т.д.⁷⁸ Перемещение, прямо или косвенно, оккупирующей державой части ее собственного гражданского населения на оккупируемую ею территорию, или депортация, или перемещение населения оккупируемой территории или отдельных частей его в пределах или за пределы этой территории также считаются воен-

77 Римский статут, ст. 8(2)(b)(ix).

78 Конвенция 1954 г. о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, ст. 1. Статьи 10 и 15 Протокола II к данной Конвенции, принятого в 1999 г., предусматривают, что каждая сторона принимает такие меры, которые могут оказаться необходимыми, для признания уголовными преступлениями согласно ее внутреннему законодательству, в частности нападений на ценности, как они определены в Конвенции, то есть на культурное наследие, имеющее особо важное значение для человечества, надлежащим образом охраняемое на внутригосударственном уровне посредством соответствующих юридических и административных мер, обеспечивающих признание его выдающегося культурного и исторического значения и высочайший уровень защиты. Стороны обязуются не использовать культурные ценности в военных целях и для прикрытия военных объектов. Сторона, контролирующая территорию, на которой находится культурная ценность, обязана подтвердить, что воздержится от такого ее использования. Статья 85(4)(d) Дополнительного протокола I предусматривает, что военным преступлением является превращение ясно опознаваемых исторических памятников, произведений искусства или мест отправления культа, которые являются культурным или духовным наследием народов и которым предоставляется особая защита, в объект нападения, когда такие исторические памятники, произведения искусства и места отправления культа не находятся в непосредственной близости от военных объектов. Основываясь на статьях 52 и 53 Дополнительного протокола I об общей защите гражданских объектов и защите культурных ценностей и мест отправления культа, МТБЮ заключил, что есть два вида защиты: общая и особая. Первой пользуются гражданские объекты, которые в силу этой защиты не должны становиться объектами нападения или репрессалий, если они не являются военными объектами, обеспечиваемыми нападающей стороне очевидное военное преимущество в момент совершения нападения. Что касается особой защиты, она предоставляется культурным ценностям и местам отправления культа, являющимся частью культурного и духовного наследия народов. Запрет совершать враждебные действия в отношении таких объектов носит абсолютный характер. По мнению МТБЮ, школы и места отправления культа пользуются общей защитой; *ICTY, Prosecutor v. Dario Kordic and Mario Cerkez*, см. выше примечание 28, paras. 89–90.

ным преступлением⁷⁹. Другие положения этой статьи запрещают применять определенные виды оружия – яды, удушливые, ядовитые и иные газы, легко разворачивающиеся и сплюсцивающиеся пули. Соответствующие запрещения были установлены международными договорами в 1899 г. и 1925 г. и стали частью обычного права⁸⁰. Если же речь идет о современном оружии, таком, например, как ядерное оружие, противопехотные мины либо химические и биологические средства, которые по своей сути могут считаться причиняющими чрезмерные повреждения, излишние страдания или имеющими неизбирательное действие, их применение станет преступлением, подпадающим под юрисдикцию Суда, если в будущем они станут предметом всеобъемлющего запрещения и будут включены в приложение к Римскому статуту, принятое через семь лет после его вступления в силу Ассамблеей государств-участников или Конференцией по рассмотрению действия⁸¹. В свете изменений, происшедших за последнее время в международной жизни, важной представляется и норма, возводящая в ранг преступления набор или вербовку детей в возрасте до 15 лет в состав вооруженных сил или использование их для активного участия в боевых действиях. Появление этой нормы стало возможным благодаря тому, что ранее были приняты Конвенция о правах ребенка и Дополнительный протокол I к Же-

- 79 Римский статут, ст. 8(2)(b)(viii). При принятии текста Римского статута Израиль высказал мнение, что эта норма не отражает действовавшее в тот момент обычное право, потому что в ней упоминается не только перемещение населения в пределах оккупированной территории, но и перемещение оккупирующей державой части своего населения на оккупированную территорию. По этой причине Израиль решил голосовать против текста Статута. Тем не менее МТБЮ не отступил от точки зрения, согласно которой незаконные депортация или перемещение гражданских лиц могут быть расценены как военное преступление, поскольку они являются серьезным нарушением Женевской конвенции IV. Он добавил, что материальный элемент преступления состоит в деянии или бездействии с целью переместить лицо на оккупированную территорию или с оккупированной территории – не из соображений безопасности населения или настоятельной военной необходимости. Субъективным элементом является намерение исполнителя переместить лицо; ICTY, *The Prosecutor v. Naletilic and Martinovic*, Case № IT-98-34-T, Judgment, 31 March 2003, paras. 519–521.
- 80 Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств, 1925 г.; Декларация о неупотреблении легко разворачивающихся и сплюсцивающих пулей, 1899 г.
- 81 Римский статут, ст. 8(2)(b)(xx). При этом следует учитывать принятие многосторонних договоров по международному гуманитарному праву, ограничивающих средства ведения боевых действий: Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении, 1972 г.; Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие, 1980 г., и Протоколов к ней (Протокол I о необнаруживаемых осколках; Протокол II о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств; Протокол III о запрещении или ограничении применения зажигательного оружия, Протокол IV об ослепляющем лазерном оружии, Протокол о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств, с поправками, внесенными 3 мая 1996 г.); Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении, 1993 г.; Конвенции о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении, 1997 г.; поправок 2001 г. к Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие, и Протоколов I, II и III к ней, 1980 г.; Протокола о взрывоопасных пережитках войны, 2003 г.

невским конвенциям 1949 г.⁸² Другие деяния, запрещенные Конвенциями или Протоколом I, но не определенные в них как серьезные нарушения или военные преступления, влекущие индивидуальную уголовную ответственность, получили такую квалификацию в Римском статуте, например, посягательство на человеческое достоинство, в частности оскорбительное и унижающее обращение⁸³, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность, принудительная стерилизация и любые другие виды сексуального насилия, также являющиеся грубым нарушением Женевских конвенций⁸⁴, использование присутствия гражданского лица или другого охраняемого лица для защиты от военных действий определенных пунктов, районов или вооруженных сил⁸⁵, умышленное совершение действий, подвергающих гражданское население голоду, в качестве способа ведения войны⁸⁶ и умышленное нанесение ударов по зданиям, материалам, медицинским учреждениям и транспортным средствам, а также персоналу, использующим в соответствии с международным правом отличительные эмблемы, установленные Женевскими конвенциями⁸⁷.

Римский статут также определяет две категории военных преступлений для вооруженных конфликтов немеждународного характера. Первая включает серьезные нарушения общей статьи 3⁸⁸ с уточнением, что соответствующая статья Римского статута не применяется к случаям нарушения внутреннего порядка и возникновения напряженности, таким как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия или иные акты аналогичного характера⁸⁹. Во вторую категорию входят другие серьезные нарушения законов и обычаев, применимых в вооруженных конфликтах немеждународного характера в установленных рамках международного права⁹⁰. В связи с этим уточняется, что соответствующее положение применяется в отношении вооруженных конфликтов, которые имеют место на территории государства, когда идет длительный вооруженный конфликт между ответственными властями и организованными вооруженными группами или между самими такими группами⁹¹ и, следовательно, для такой квалифика-

82 Римский статут, ст. 8(2)(b)(xxvi); Конвенция о правах ребенка, ст. 38, и ДП I, ст. 77.

83 Римский статут, ст. 8(2)(b)(xxi); ДП I, ст. 75(2)(b).

84 Римский статут, ст. 8(2)(b)(xxii); ЖК IV, ст. 27.

85 Римский статут, ст. 8(2)(b)(xxiii); ЖК IV, ст. 28; ДП I, ст. 51(7).

86 Римский статут, ст. 8(2)(b)(xxv); ДП I, ст. 54(1).

87 Римский статут, ст. 8(2)(b)(xxiv); ЖК I, ст. 19, 20, 24, 35, 53; ЖК II, ст. 22, 23, 36, 39, 41–45; ЖК IV, ст. 18, 20–22; ДП I, ст. 8, 12, 18, 21, 22, 24, 38, 85(3)(f), где вероломное использование эмблемы определяется как военное преступление. Эмблемы красного креста и красного полумесяца имеют принципиальное значение в международном гуманитарном праве, поскольку в период вооруженного конфликта они являются зримым воплощением защиты, предоставляемой Женевскими конвенциями и Дополнительными протоколами медицинскому персоналу и санитарному транспорту. Государствам надлежит регламентировать их использование своим внутренним законодательством.

88 Римский статут, ст. 8(2)(c).

89 Римский статут, ст. 8(2)(d), ДП II, ст. 1(2).

90 Римский статут, ст. 8(2)(e).

91 Римский статут, ст. 8(2)(f).

ции не требуется участие в конфликте правительственных вооруженных сил. В качестве военных преступлений данная категория включает ряд деяний, запрещенных Дополнительным протоколом II и умышленно направленных против гражданского населения как такового, а также против отдельных гражданских лиц, не принимающих непосредственного участия в военных действиях⁹²; умышленное нанесение ударов по зданиям, материалам, медицинским учреждениям и транспортным средствам, а также персоналу, использующим в соответствии с международным правом отличительные эмблемы, предусмотренные Женевскими конвенциями⁹³; умышленное нанесение ударов по зданиям, предназначенным для целей религии, образования, искусства, науки или благотворительности, историческим памятникам, госпиталям и местам сосредоточения больных и раненых, при условии, что они не являются военными целями⁹⁴. Среди военных преступлений поименованы также сексуальные и гендерные преступления⁹⁵, набор или вербовка детей в возрасте до 15 лет в состав вооруженных сил или групп или использование их для активного участия в боевых действиях⁹⁶; отдача распоряжений о перемещении гражданского населения по причинам, связанным с конфликтом, если только этого не требуют соображения безопасности соответствующего гражданского населения или настоятельная необходимость военного характера⁹⁷; разграбление города или населенного пункта, даже если он взят штурмом⁹⁸, и причинение лицам, которые находятся во власти другой стороны в конфликте, физических увечий или совершение над ними медицинских или научных экспериментов любого рода, которые не оправданы необходимостью медицинского, зубо-врачебного или больничного лечения соответствующего лица и не осуществляются в его интересах и которые причиняют смерть или серьезно угрожают здоровью такого лица или лиц⁹⁹. Наконец, Римский статут включает в перечень военных преступлений для ситуаций вооруженного конфликта немеждународного характера нарушения ряда запретов, касающихся методов ведения войны, которые были установлены в Положении, приложенном к Гаагской конвенции IV 1907 г. Это, например, вероломное убийство или ранение комбатанта неприятеля¹⁰⁰; заявление о том, что пощады не будет¹⁰¹; уничтожение или захват имущества неприятеля, за исключением случаев, когда такое уничтожение или захват настоятельно диктуются

92 Римский статут, ст. 8(2)(e)(i); ДП II, ст. 13.2.

93 Римский статут, ст. 8(2)(e)(ii); ДП II, ст. 9, 10, 11(1) и 12.

94 Римский статут, ст. 8(2)(e)(iv); ДП II, ст. 16.

95 Римский статут, ст. 8(2)(e)(vi), поскольку они составляют серьезные нарушения общей статьи 3.

96 Римский статут, 8(2)(e)(vii); ДП II, ст. 4.3.c.

97 Римский статут, ст. 8(2)(e)(viii); ДП II, ст. 17.

98 Римский статут, ст. 8(2)(e)(v); ДП II, ст. 4(2)(g).

99 Римский статут, ст. 8(2)(e)(xi); ДП II, ст. 5(2)(e).

100 Римский статут, ст. 8(2)(e)(ix); Положение, ст. 23(b).

101 Римский статут, ст. 8(2)(e)(x); Положение, ст. 23(d) и ДП II, ст. 4, последний абзац.

обстоятельствами конфликта¹⁰², и умышленное нанесение ударов по персоналу, объектам, материалам, подразделениям или транспортным средствам, задействованным в оказании гуманитарной помощи или в миссии по поддержанию мира в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, пока они имеют право на защиту, которой пользуются гражданские лица или гражданские объекты согласно международному праву вооруженных конфликтов¹⁰³.

Выводы

Серьезные нарушения международного гуманитарного права являются военными преступлениями, влекущими индивидуальную уголовную ответственность для тех, кто их совершает посредством действия или бездействия.

Конечно, эта система юридических норм применяется в ситуациях международного вооруженного конфликта, когда к военной силе прибегают государства. Применяется она и тогда, когда конфликт возникает на территории одного государства, а какое-либо третье государство посылает туда свои войска или одна из сторон действует в интересах другого государства, которое осуществляет над ней общий контроль.

Данная система не распространяется на ситуации внутренних беспорядков и напряженности, ибо поддержание и восстановление порядка, как и защита территориальной целостности, отнесены к компетенции государства. Однако если имеет место длительная вооруженная борьба между правительственными властями и организованными вооруженными группами либо между такими группами на территории государства, стороны обладают правами и обязанностями, предусмотренными международным гуманитарным правом. Следовательно, совершение ими запрещенных деяний также является военным преступлением.

Ответственность за судебное преследование нарушителей возлагается в первую очередь на государства, но для тех случаев, когда они не могут или не желают этого делать, практикой было подсказано решение, состоящее в учреждении международных уголовных трибуналов. Благодаря этому не остаются безнаказанными лица, совершающие незаконные деяния, где бы они ни происходили. Наказание виновных, несомненно, представляет собой эффективное применение права, позволяющее полностью использовать потенциал норм, затрагивающих интересы международного сообщества в целом. Возможно, в будущем это позволит улучшить защиту жертв, но было бы утопичным верить в то, что в один прекрасный день люди решат раз и навсегда исключить насилие из своей жизни.

¹⁰² Римский статут, ст. 8(2)(е)(xii); Положение, ст. 23 (g).

¹⁰³ Римский статут, ст. 8(2)(е)(iii); Конвенция о безопасности персонала ООН и связанного с ней персонала, 1994 г.